

РОССИЯ В XVIII СТОЛЕТИИ

Выпуск II

Ответственный редактор

Е. Е. Рычаловский

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва 2004

ББК 63.3(2)46-7

Р 76

Р 76 Россия в XVIII столетии. Вып. 2 / Отв. ред. Е. Е. Рычаловский. М.: Языки славянских культур, 2004. — 360 с. — (Studia historica).

ISSN 1727-9968

ISBN 5-9551-0041-5

Сборник охватывает широкий круг проблем социально-политической истории и духовной культуры XVIII в. Сюда входят статьи, посвященные самозванчеству в России, проектам Верховного тайного совета, формированию библиотеки известных меценатов и коллекционеров князей Юсуповых и т. д. Публикуется в переводе на русский язык семейная переписка выдающегося мореплавателя В. Беринга. Предлагается вниманию специалистов и любителей истории большой комплекс документов, относящихся к служебной и частной деятельности первого директора Московского университета А. М. Аргамакова.

ББК 63.3

*В оформлении обложки использована иллюстрация из книги
«Костюм в России XVIII — начала XX века». Л.: «Аврора», 1983.*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G•E•C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales on this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки славянской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G•E•C GAD.

ISBN 5-9551-0041-5

© Авторы, 2004

© Языки славянской культуры, 2004

К. Г. Боленко

РОССИЙСКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
(ЛИТЕРАТУРА ПО РОССИЙСКОМУ ПРАВУ
И ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ ПРАВОВЕДЕНИЮ)
В БИБЛИОТЕКЕ ЮСУПОВЫХ

История библиотек издавна привлекала внимание как специалистов по истории книги, так и историков государственных учреждений и биографов. В последние несколько десятилетий она становится одной из быстро развивающихся научных дисциплин, со своим предметом, методологией и исследовательскими задачами, не имеющими прямого отношения к книговедению или биографическим штудиям. И тем не менее, библиотека, как и всякая коллекция, была и остается прекрасным источником для изучения личности ее владельца, поскольку весьма полно и разносторонне фиксирует структуру и содержание его занятий, интересов и вкусов — как в целом, так и по отдельным видам деятельности и отраслям знания. Кроме того, тематические собрания дают адекватное представление об интересе общества к той или иной отрасли литературы, а также к конкретным изданиям.

Настоящая статья представляет собой опыт описания российской юридической литературы (литературы по российскому праву и теоретическому правоведению) в составе библиотеки Юсуповых, хранящейся в Государственном музее-усадьбе «Архангельское». Основное внимание будет уделено библиотеке Николая Борисовича Юсупова-старшего (1751—1831). Кроме того, будет сделана попытка реконструировать в общих чертах его занятия и интересы в этой сфере: их характерные черты и, по возможности, эволюцию на фоне особенностей юриспруденции и юридического книгоиздания в России XVIII — первой трети XIX века.

Библиотека, принадлежавшая Николаю Борисовичу Юсупову, насчитывала в 1820-е — начале 1830-х гг. не менее 20 тыс. томов и для

своего времени была одной из лучших в России. Особенно выделялась она собраниями литературы по изобразительному искусству, театру, изящной словесности, истории и географии. В ее составе имелась коллекция инкунабул и книг, выпущенных в XVI — начале XIX в. выдающимися издателями Европы и России — фирмами Альдов, Эльзевиров, Дидо, Джона Баскервилла, Джамбаттиста Бодони, а также Иваном Федоровым и Н. И. Новиковым¹.

Около 1800 г. библиотека, в то время находившаяся в Петербурге, была каталогизирована; рукописный волюм, переплетенный в красный сафьян, хранится в настоящее время в фондах музея². В начале 1810-х гг. книги были перевезены из Петербурга в купленное князем подмосковное имение Архангельское. Позднее библиотека перешла к его потомкам. После революции 1917 г. библиотека Н. Б. Юсупова и находившиеся в Архангельском книжные собрания его наследников были национализированы и вошли в состав фондов новообразованного музея-усадьбы. В течение 1920-х — 1940-х гг. фонды потеряли несколько тысяч томов, однако большая часть осталась нетронутой. В настоящее время библиотека Юсуповых насчитывает около 15500 томов³. Еще при Н. Б. Юсупове книги были сгруппированы по тематическим разделам, а в каждом шкафу — по форматам; в настоящее время этот принцип сохраняется, однако номенклатура разделов, их состав и тем более расположение книг в них мало соответствуют тому, что было до революции.

Одним из самых небольших является раздел «Право», насчитывающий 294 тома, в том числе 4 рукописи XVIII — начала XIX в. и один рукописно-печатный конвюлот. Хронологический диапазон — с 1648 по 1857 г.; количество книг на русском и иностранных языках (преимущественно на французском и итальянском) приблизительно одинаково. В целом раздел сформирован не совсем последовательно. Из литературы по российскому праву более или менее полно в нем собраны только издания и рукописи по российскому правоведению; что же касается текстов законов, то вне коллекции «Право» находятся еще около 50 томов, в том числе такие важные законодательные памятники, как Соборное Уложение 1649 г., Воинский устав 1716 г.⁴, торговые тарифы. Оказались разрозненными некоторые сериальные издания.

Раздельное описание литературы по российскому праву, с одной стороны, и аналогичных коллекций по иным европейским государствам, с другой, наверное, не требует сколько-нибудь развернутого обоснования. Достаточно будет сказать, что перед каждым из этих собраний, очевидно, стояли разные задачи: положение крупного чиновника, богатого землевладельца, наследника и наследодателя неизбежно делали интерес Юсупова к российскому праву скорее практическим, чем теоретическим. С Западной же Европой князь, несмотря на все путешествия и

многообразные, в том числе и дипломатические поручения, не был связан столь тесно и постоянно, поэтому интерес к литературе по западно-европейскому праву мог носить более отвлеченный характер и определяться интеллектуальными интересами, салонной модой и нормами поведения просвещенного вельможи, диктовавшими устойчивый интерес к юридическим наукам в целом и к тем или иным сочинениям в частности.

Беглый сравнительный анализ состава каждой из этих коллекций подтверждает данное предположение: из европейских книг преобладает литература по правоведению, в том числе теоретическая; российская же подборка включает в себя преимущественно тексты законов. При этом тематическое разделение почти совпадает с языковым, а также разделением по месту происхождения текстов и их издания. Другими словами: за редкими исключениями, юридическая литература российского происхождения (сочинения, принадлежащие российским авторам и изданные в России на русском языке) является литературой по российскому праву. И наоборот: литература по российскому праву — вся российско-го происхождения и почти вся на русском языке.

Из юридических книг на русском языке, не относящихся к российскому праву, можно назвать только одну публикацию международных договоров между иностранными государствами: «Капитуляции или Трактаты между Оттоманскою Портою и Французским Двором, возобновленные и умноженные в 1740 г. ...и между Оттоманскою Портою и Великобританиею» (СПб., 1780)⁵. Из изданных в России книг по российскому праву на иностранных языках — петербургское издание на французском языке «Наказа» Екатерины II (*Instructions adressés par Sa Majesté l'Impératrice de toutes les Russies à la Commission établie pour travailler à l'exécution du projet d'un nouveau Code de Lois / Trad. de l'alle. St. Petersbourg, 1769*)⁶, воинских уставов Павла I (*Règlement de sa majesté impériale concernant le service de l'infanterie. St.-Petersbourg, 1798; Règlement de sa majesté impériale concernant le service de la cavalerie. St. Petersbourg, 1798*)⁷ и одного из торговых тарифов (*Tarif général des droits d'entrée et de sortie, payables dans le commerce Européen, aux douanes de terre et de mer de l'Empire de Russie et du Royaume de Pologne. St. Petersbourg, s. a.*⁸). В каталоге 1800 г. упомянут также некий «*Tarif de la Russie*»; вероятно, так поименовано одно из двух изданий: *Tarif général ou Table alphabétique des droits que payeront les marchandises dans tous les ports et aux douanes des frontières de l'Empire de Russie, excepté à celles des gouvernemens d'Astracan, du gouvernement d'Oufa et de Sibérie composée dans la Commission de Commerce l'année 1782. St. Petersbourg, 1783. P. [1—2]* или *Tarif général des droits...*, excepté à celles des gouvernemens d'Astrachan, d'Orenbourg, de Tobolsk et d'Irkoutsk. St. Petersbourg, 1797⁹.

Для корректного анализа любой тематической коллекции в составе данного собрания важно отдавать себе отчет в том, что она могла сохраниться не полностью. Тем важнее наличие каталогов, отражающих состав всего собрания в те периоды, когда оно еще не подверглось послереволюционным опустошениям. Так, в начале 1830-х гг. (вероятно, еще до смерти Н. Б. Юсупова), в начале 1860-х гг., по инициативе его внука Н. Б. Юсупова-младшего (1827—1891), и в 1900-х гг. библиотека была еще трижды каталогизирована¹⁰. Результаты этих работ сохранились в значительной части. От первой осталась большая часть рукописных каталогов-тетрадей, составлявшихся по тематико-топографическому принципу и фиксировавших место той или иной книги в тематическом разделе¹¹, а также четвертый том рукописного же, в полукожаном переплете, видимо, сводного каталога, дублирующего часть вышеупомянутых тетрадей и имеющего многочисленные следы более поздней правки¹². Среди тетрадей есть две, озаглавленные «Auteurs russes» (имеется также и в т. 4 сводного каталога) и «Русские авторы»¹³.

Как известно, после смерти Н. Б. Юсупова-старшего библиотекой до 1860-х гг. никто из его потомков не занимался, поэтому она была каталогизирована как историческая реликвия, без нарушения имевшейся расстановки. Топографический принцип был проигнорирован; новый каталог (точнее, система каталогов) был строго систематическим и подробным, что позволило, наконец, учесть в рамках одного раздела и подраздела многие издания, попавшие по ошибке или небрежности в разные шкафы и даже тематические разделы начала 1830-х гг. А таких случаев в старой библиотеке было немало. От этой системы каталогов до нас дошли сохранившийся где-то на две трети карточный каталог¹⁴, а также каталог-тетрадь книг на русском языке¹⁵.

Упомянутый выше каталог 1800 г. — единственный полностью сохранившийся каталог библиотеки Н. Б. Юсупова. Юридического раздела он не имеет; издания и рукописи на русском языке собраны в специальном разделе «Российские книги»¹⁶. Таковых насчитывается 880 томов. Раздел не имеет внутренней рубрикации и юридическая литература встречается в разных его частях; тем не менее половина коллекции составляет плотную единую подборку¹⁷.

Каждый из каталогов начала 1830-х гг. — «Auteurs russes» и «Русские книги» — представляет собой перечень книг из одного или нескольких шкафов; книги приведены по порядку их расположения (своего рода топографический каталог), но уже систематизированы по тематике. В первом каталоге есть и подраздел «Jurisprudence» (№ 52—279), расположенный в шкафу 75. Действительно, российская юридическая литература встречается и в других шкафах и разделах, однако в значительно меньшем количестве¹⁸. Сколько-нибудь ясной системы, по

которой те или иные издания попадали в шкаф 75 или в другие, выявить пока не удалось. Так, к примеру, издания тарифов встречаются и в 75-м, и в 28-м, и в 29-м шкафах (последний входит в состав раздела «Actes Académiques»). И в 75-м, и в 28-м шкафах хранились издания по правоведению. Кроме собственно актуальной юридической литературы раздел включал также историко-юридические и исторические книги: «Правду Русскую...» ([СПб.,] 1792), «Духовную великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха детям своим...» (СПб., 1793), «Повседневных дворцовых времени государей царей и великих князей Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича записок часть...» (М., 1769. Ч. 1)¹⁹ и др. Рукописи разного содержания, в том числе и юридического, были сгруппированы в отдельный подраздел «Manuscripts».

Каталог-тетрадь 1860-х гг. составлен по иному принципу. Это систематический каталог вообще всех книг на русском языке, независимо от их местонахождения. В числе разделов есть и «Законоведение». Он учитывает еще более двух десятков томов (около двадцати изданий и рукописей) российской юридической литературы, разбросанных по восьми другим шкафам.

Систематический каталог русских книг, составленный в середине XIX в., представляет, несомненно, более высокий уровень описания юридической литературы. Так, издания и рукописи классифицированы по нескольким группам (1. Международное и дипломатическое право. 2. Правительственное русское право или учреждение. 3. Военное русское право или учреждение. 4. Торговое право. 5. Указы и Приказы. 6. Судебное русское право. 7. Толкование о русском праве). Каталог также включает в себя литературу по истории русского права. Там же можно встретить и «Собрание государственных грамот и договоров» (М., 1813—1822. Т. 1—3), хотя это было издание по истории международных отношений России, а не действовавших дипломатических актов. Некоторые издания, которые вполне могут быть отнесены к юридической литературе (и присутствовали в соответствующем разделе каталога начала 1830-х гг.), в разделе «Законоведение» отсутствуют. Например, «Словари юридические» Ф. Ланганса или М. Д. Чулкова²⁰ или Кормчая книга, еще в середине XIX в. бывшая частично действующим источником церковного права²¹. Так как, в соответствии с библиографическими традициями своего времени, издания и рукописи отнесены только к одному разделу, а системы добавочных отсылок не существует, каталог не позволяет учесть в разделе всю литературу определенной тематики, имевшуюся в библиотеке. Разумеется, в каталоге отсутствуют издания на иностранных языках. В карточном каталоге раздел «Русские книги», к сожалению, отсутствует.

Таким образом, каталог середины XIX в. более совершенен, чем каталоги начала 1830-х гг., но также имеет свои недостатки: не исчерпы-

вает всего массива российской юридической литературы и содержит издания, относящиеся скорее к литературе исторической, чем юридической.

Заканчивая обзор сохранившихся каталогов, считаем нужным добавить, что они не охватывают всех книг, принадлежавших Юсупову. Нет сомнения, что какие-то книжные собрания находились в московских домах князя и в многочисленных усадьбах. Даже в том случае, если эти книги попали в Архангельское в середине XIX в., они могли и не быть учтены в каталоге 1860-х гг.

Строго говоря, принципы выделения тематической коллекции, существующей внутри частной библиотеки, могут быть различными. Посвоему оправдан подход, когда логика изложения подчинена всем прихотям владельческой систематизации. С другой стороны, применение более современных классификационных стандартов позволяет лучше оценить ее корректность и обоснованность. При составлении настоящего описания мы следовали принципу актуальности: из рассмотрения исключались издания законов, потерявших силу уже к середине XVIII в., и исследования уже не действовавшего законодательства — издания Русской Правды, Судебников XV—XVI вв. и т. п. Не выделяли мы и публикации законов в неюридических изданиях. Это касалось и тех случаев, когда публикация носит отчетливо вторичный характер — например, перепечатка ряда русско-турецких договоров в сочинении В. Вилькинсона «Tableau historique, géographique et politique de la Moldavie et de la Valachie / Trad. de l'anglais par M.*** au quel on a joint les principaux traités entre la Russie et la Porte Ottoman» (Paris, 1821)²². И даже тех изданий, которые, не являясь юридическими, могли служить и, возможно, служили справочным целям в повседневной деятельности. К примеру, тексты законов в знаменитом «Историческом описании российской коммерции...» М. Д. Чулкова²³. Создание полного каталога российских узаконений в составе библиотеки Юсуповых в целом и отдельных ее владельческих комплексов в частности, а также составление каталога текстов по правоведению, который включал бы статьи в периодических изданиях и отдельные главы политических, экономических и иных сочинений, — перспективные задачи будущих исследований.

В зависимости от источника поступления в составе нынешней библиотеки Юсуповых коллекцию российской юридической литературы можно разделить на три основные части: 1) юридическая литература в составе библиотеки Н. Б. Юсупова-старшего; 2) разрозненные комплекты Сводов законов 1832, 1842 и 1857 гг. и «Приложений» к ним; 3) книги, вывезенные из Ракитного, курского имения Юсуповых; 4) издания неизвестного происхождения, которые могли принадлежать Юсупову. Сначала мы дадим описание коллекции российской юридической лите-

ратуры Н. Б. Юсупова-старшего — гораздо более многочисленного, чем остальные, и сложного по структуре собрания, входившего в состав личной и отчасти изученной библиотеки. А также изданий неизвестного происхождения. Затем перейдем к двум остальным частям — компактным, самостоятельным по происхождению и относящимся к совершенно не исследованным на данный момент книжным комплексам.

В составе библиотеки Н. Б. Юсупова имеются отдельные издания и рукописи, которые с высокой степенью вероятности могут быть отнесены к библиотеке еще его родителей — Бориса Григорьевича (1696—1759) и Ирины Михайловны (урожденной Зиновьевой; 1718—1788) Юсуповых. Однако крайняя скудость сведений об этих библиотеках и отсутствие бесспорных доказательств делают отдельное рассмотрение этих экземпляров в рамках данной статьи нецелесообразным. Речь стоит вести именно о коллекции Н. Б. Юсупова.

В основном она сложилась уже к концу XVIII в. В каталоге 1800 г. выявлено 84 книги и рукописи, имеющие отношение к российскому праву (всего 102 тома). Это и публикации законов (включая сборники указов), и литература по юриспруденции, и практические пособия — словари, указатели, экстракты, — часто находящиеся на стыке этих двух областей. Позднее, на протяжении первой трети XIX в. коллекция увеличилась не более чем в полтора раза — и это при том, что из библиотеки выбыло всего несколько изданий и рукописей, а количество опубликованной юридической литературы в России значительно возросло. Содержательный анализ коллекции юридической литературы требует предварительного обзора условий, в которых она формировалась: особенностей права, процесса публикации законов и развития кодификации и законовения в России.

Как известно, российское право в XVIII — первой трети XIX в. сильно отличалось от западноевропейского (при том, что Запад сам давал в этом отношении весьма пеструю картину)²⁴. Отличия затрагивали все сферы права. Во многом они были связаны со спецификой устройства верховной власти и ее места в юридической системе общества. Институциональное сближение России с западноевропейскими абсолютными монархиями не должно заслонять того факта, что последние были государствами регулярными, «законными», с более четкой регламентацией прав различных сословий, тогда как в России в тот же период большее значение имел обычай, сложившихся сословных групп долгое время не существовало и с XVI в. господствовало отношение власти к подданным как к холопам²⁵. В этих условиях любое волеизъявление самодержца становилось законом в самом прямом смысле этого слова: частное узаконение, административное распоряжение или судебное решение центральной власти (то, что получило собирательное название

«указ») не просто получало силу общего закона в том случае, когда восполняло пробелы действующего права, но и заменяло уже существовавший закон — действие частного указа быстро распространялось на аналогичные случаи. Несмотря на значительный прогресс и законотворческой деятельности, и юридической мысли, разграничить понятия закона и указа российским правоведам не удалось вплоть до 1917 г.²⁶ Неизбежным следствием такого положения дел было обилие законодательных актов, часто разрозненных, которыми формально должны были руководствоваться учреждения и частные лица в повседневной практике. А это было одной из причин удручающей запутанности русского права, что в свою очередь затрудняло его публикацию и кодификацию. И наоборот: хаотическая публикация и отсутствие кодификации не способствовали юридической ясности²⁷.

Другой важной особенностью российского права была изначально слабая связь с так называемым римским правом. Эта особенность определяла и другие черты российской правовой системы и юриспруденции: в первую очередь низкий уровень развития философии права и теоретического правоведения. Так, собственно правоведение стало развиваться в России только с середины XVIII в., причем российское законодательство стало предметом изучения только с середины 1760-х гг.; сколько-нибудь заметный скачок юридическая мысль сделала только в 30-е гг. XIX столетия. До этого времени российская философия права развивала в основном идеи естественного права, а правоведение или ориентировалось на римское право (нередко также далекое от российских реалий), или опиралось на российские юридические традиции и имело преимущественно практический характер. То есть эти области юридической мысли развивались почти без всякой связи между собой. Неудивительно, что уровень не только систематизации, но даже и теоретической разработанности российского законодательства был весьма низок²⁸, а российская философия права, бедная количественно и имевшая по отношению к западноевропейской отчетливо вторичный характер, не могла иметь в глазах образованного человека сколько-нибудь высокого статуса.

В-третьих, престиж юридических знаний и профессии юриста в России был весьма низок: известно, что большинство сенаторов и судей не имели юридического образования, дворяне вплоть до середины 20-х гг. также не стремились его получать (некоторый сдвиг намечился только с конца 1800-х гг.). Так что ходатаями по делам помещиков нередко были их собственные крепостные, а традиции так называемой дьяческой юриспруденции (когда держателем юридического знания выступал опытный в делах чиновник, как правило секретарь) оставались неистребимо живучими²⁹.

Как следствие этого, в консервативных кругах было распространено представление о неприменимости норм европейского права в России; так, например, Н. М. Карамзин резко отрицательно отзывался в 1812 г. о проекте гражданского кодекса, подготовленного под руководством М. М. Сперанского, и сам проект во второй половине 1810-х гг. получил отрицательный отзыв Государственного совета³⁰.

Известно, что процесс публикации российских нормативных актов приобрел свой законченный вид в середине XIX в., когда при Сенате дважды в неделю стало выходить «Собрание узаконений и распоряжений правительства» (СПб., 1863—1917). К тому времени Россия уже имела продолжавшееся «Полное собрание законов Российской Империи», периодически обновлявшийся «Свод законов Российской Империи» с «Продолжениями», а также кодексы по различным отраслям права. И хотя большинство из них требовало пересмотра, процессы опубликования и кодификации законов с 1830-х гг. были налажены весьма хорошо — особенно в сравнении с тем, что имело место в предшествующий период.

Князь не дожид до этой новой эпохи. Издание 15-томного систематического Свода законов началось в 1832 (а фактически лишь в 1833) году, после смерти Н. Б. Юсупова. «Полное собрание законов Российской Империи», где в хронологическом порядке были представлены законы, начиная с Соборного Уложения Алексея Михайловича до конца 1825 г., вышло лишь в 1830 г.; в библиотеке оно отсутствует, и не исключено, что престарелый Юсупов вообще не счит нужным приобрести громоздкий многотомник.

В предшествующий же период публикация законов в России долгое время, фактически вплоть до Петра I, ограничивалась оглашением на площадях и в храмах или развешиванием на специальных столбах или щитах рукописных копий указов. Одним из немногих исключений из этого правила и первым печатным законом стало Соборное Уложение 1649 г., для которого эти формы обнародования решительно не годились. Несмотря на все несовершенство тогдашнего типографского дела, переписывать Уложение от руки было чересчур долго и неудобно (хотя все равно переписывали), не говоря уже о чтении вслух, поэтому довольно скоро оно было напечатано³¹.

Уложение подвело итог предшествующему развитию российского права и почти на полвека избавило Россию от необходимости дальнейших кодификационных усилий, позволив не распространять новый способ публикации законов на последующие нормативные акты — старые способы обнародования законов, лишь в частностях дополнявших Уложение, вполне себя оправдывали. И печатных изданий других законов мы в XVII в. почти не знаем. Так называемые «Новоуказные статьи»,

которых накопилось за вторую половину века около полутора тысяч, ходили в списках³².

Обязательная печатная публикация вновь принимаемых законов была установлена только именным указом от 16 марта 1714 г. Устное объявление — как форма обнародования — сохраняло силу, но должно было производиться по печатным листам, которые также могли поступать в свободную продажу. Разумеется, рассчитать потребности всей страны в том или ином законе было невозможно, и недостаток печатных экземпляров восполняли периодическими переизданиями или рукописными копиями.

Основные законы, составлявшие каркас российского законодательства, — Соборное Уложение, уставы, регламенты, учреждения — переиздавались в целом весьма регулярно. Сложнее обстояло дело с переизданием указов, которое, разумеется, осуществляли не полистно, а сборниками. Начавшись в 1735 г., процесс ретроспективной публикации указов продолжался недолго и охватил только акты с 1714 до 1730 г.; активизация этой необходимой работы произошла только в 1763 г. при Екатерине II и была тесно связана с работой по составлению нового Уложения. Были изданы законы с 1762 по 1770 г. С прекращением деятельности Уложенной комиссии вскоре прекратилась и ретроспективная публикация законодательства³³.

Однако самые совершенные формы текущей и ретроспективной публикации законов не снимали проблемы кодификации, поскольку разобратся в море указов, дополняющих и развивающих базовые законы, а также вводящих в сферу юридического регулирования новые реалии, было совсем не просто — с 1649 по 1800 г. их вышло более 18 тыс. Потребность в новом Уложении ясно осознавалась уже в конце XVII в., однако все уложенные и родственные им комиссии, создаваемые с 1700 по 1826 г., в конечном итоге потерпели неудачу. Нельзя сказать, что их деятельность была совершенно бесплодной, однако главной своей задачей они так и не выполнили³⁴.

Итак, формирование Юсуповской библиотеки пришлось на период, когда система публикации законов в России была еще очень несовершенна, кодификационные усилия — малоуспешны, а российское правоведение переживало период становления³⁵. Невысокий уровень и престиж российской юридической мысли в сравнении с западноевропейской также имел важные последствия: внимание такого человека как Н. Б. Юсупов к российской юридической литературе не могло определяться ни модой, ни задачами по созданию и поддержанию репутации. Решающее значение могли иметь только практические потребности и, возможно, личный интеллектуальный интерес. Поэтому собрание российской юридической литературы в библиотеке Н. Б. Юсу-

пова должно весьма адекватно отражать именно эти стороны жизни и личности князя.

Но если наличие или отсутствие интеллектуального интереса к российской юридической литературе как раз и предстоит выяснить, то практические потребности Н. Б. Юсупова вполне адекватно определяются фактами его неплохо изученной биографии. Если оставить за рамками интенсивное коллекционирование произведений искусства и собирание библиотеки — они не регулировались специальными законами и потому для данной темы несущественны, — то остаются напряженная хозяйственная деятельность (которая более или менее известна, надо заметить, лишь начиная с 1800-х гг.) и государственная служба.

Последняя была весьма разнообразной, в 60 лет — с 1770 по 1831 г. — уместилось многое. Самыми известными поприщами являются дипломатическая служба в 1783—1789 гг. и деятельность в сфере искусств и художественных производств — заведование в 1791—1799 гг. императорскими театрами, с 1792 г. фарфоровым и стеклянным заводами и шпалерной мануфактурой, с 1796 г. придворными театрами и музыкой, а также Эрмитажем. Вместе с тем не стоит забывать, что до 1772 г. Н. Б. Юсупов формально находился на военной службе, которую закончил в чине поручика лейб-гвардии Конного полка; с 1772 г. (с перерывами) состоял на придворной службе (камер-юнкер, затем действительный камергер), венцом которой стала должность верховного маршала на коронациях трех императоров: Павла, Александра и Николая; в 1781—1782 гг. он присутствовал в Комиссии о коммерции; в 1788—1790 гг. заседал в 1-м департаменте Сената и в его Межевой экспедиции; с 1796 по 1802 г. возглавлял Мануфактур-коллегию, с 1800 по 1802 г. — Департамент уделов; в 1812 г. был членом Комитета по распоряжениям о продовольствии войск в Москве; с 1814 г. — главноначальствующим над Экспедицией кремлевского строения, а также над Мастерской и Оружейной палатами; в 1816 г. получил назначение сенатором 6-го департамента; в 1823 году стал членом Государственного совета³⁶. Разумеется, вовлеченность Юсупова в дела службы в каждом случае могла быть разной (так, на заседаниях Государственного совета, насколько нам известно, он почти не появлялся); в рамках заданной темы нам важно иное: понять, можно ли рассматривать конкретные юридические издания и рукописи как следы тех или иных (и каких) периодов его службы и если да, то как они ее характеризуют³⁷.

И здесь хотелось бы снова вернуться к хозяйственной деятельности Юсупова в своих имениях, поскольку она требовала серьезного юридического сопровождения и «тематически» могла пересекаться со служебной. Не касаясь вопроса об экономической эффективности, очертим лишь ее размах, диапазон и динамику развития. Н. Б. Юсупов был бога-

тым помещиком: уже после смерти отца в 1759 г. князь унаследовал часть его земельных владений. После смерти матери он значительно увеличил свое состояние. Насколько серьезно в эти годы он вникал в хозяйственные дела, мы сказать пока не можем, но преобладание в коллекции литературы по вопросам сельского и паркового хозяйства книг XVIII в. позволяет предполагать, что князь и в 1780-е — 1790-е гг. не ограничивался получением оброка. В начале XIX в. он много занимается введением в своих имениях сельскохозяйственных машин и новых приемов землепользования.

Кроме традиционных сельскохозяйственных занятий, князь еще от родителей унаследовал в Полтавской губернии Ряшковскую суконную фабрику, однако другие его промышленные и промысловые проекты до начала XIX в. нам не известны. С 1803 же года он получает из казны Купавинскую шелковую фабрику, открывает в курском имении Никольское суконную мануфактуру, имеет в Курской губернии селитряный завод, много занимается каспийскими рыбными ловлями; позднее в Архангельском он создает стекольную и фарфоровую мануфактуры. Кроме того, Н. Б. Юсупов сумел добиться исключительного права поставки шелка ко двору и обязательной покупки казной на нужды армии определенного количества сукна, произведенного в его имениях³⁸. И здесь важно одно обстоятельство: если административная деятельность князя требовала личного знания законов, то хозяйственная вполне могла быть им переложена на управляющих (как оно по большей части и было). Поэтому наличие в библиотеке изданий или рукописей, тематически совпадающих с определенными занятиями или действиями, дает нам право предполагать, что именно эти дела привлекали особенное внимание Николая Борисовича.

Юридическую литературу, входившую в состав собрания Н. Б. Юсупова, можно условно разделить на четыре подраздела: 1) тексты законов; 2) литература по правоведению; 3) справочные пособия, которые уже невозможно отнести ни к текстам законов, ни — еще — к законоведческой литературе; 4) информационные материалы Сената. Начать ее обзор стоит, разумеется, с текстов законов, которые в свою очередь можно разделить на две группы: отдельные издания и сборники.

Коллекция отдельных изданий действующих законов весьма представительна³⁹. Самым ранним текстом в коллекции является Кормчая книга (М., 1787. Кн. 1—2)⁴⁰ — перевод византийского «Номоканона», — появившаяся на Руси еще в XI в. и с течением времени, естественно, подвергшаяся исправлениям и дополнениям. Несмотря на древность и почти полную неприменимость в светских делах, Кормчая книга во многом сохраняла значение действующего памятника церковного

права как минимум до 1839 г., а возможно, и позднее. Стоит заметить, что в отличие от некоторых церковных книг, доставшихся Н. Б. Юсупову от родителей, эта, изданная после их смерти, видимо, была приобретена самостоятельно.

Далее следует Соборное Уложение 1649 г. Неудача всех кодификационных попыток оставляла Уложение действующим законом вплоть до 1832 г., а формально и позже, поскольку изначально Свод законов был задуман и исполнен как своего рода приложение к Полному собранию. Поэтому Уложение неоднократно переиздавали (только в XVIII в. не менее 12 раз), а также переписывали.

В настоящее время в юсуповском собрании имеется издание Уложения, вышедшее в 1780 г.; в фондах РГАДА сохранился список середины XVIII в.⁴¹ К сожалению, обращение к дореволюционным каталогам не дает ясной картины того, как поступали и выбывали из библиотеки отдельные экземпляры. В каталоге 1800 г. упомянуто «Уложение царя Алексея Михайловича» без даты, однако, несмотря на совпадение заглавий, уверенности в том, что имеется в виду манускрипт, быть не может — формула была распространенной и устойчивой; в каталоге же 1860-х гг. упомянуты два экземпляра под заглавием «Уложение по которому суд и справки...», помеченные 1757 и 1780 гг.⁴² Так как издания Уложения 1757 г. неизвестны, то, возможно, составители имели в виду именно рукопись; впрочем, не исключено, что в библиотеке находился экземпляр Уложения, изданий 1737 или 1759 гг.⁴³

В юсуповской библиотеке имеются издания многих основных законов нескольких царствований, начиная с Петра I и кончая Александром I. Самые ранние — два разных издания сборника, который включает сочинение Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей... с приложением в начале указа о подкинутых воровских письмах и вечного устава о наследствии престола Империи Российской...» (М., 1726)⁴⁴. Причем, похоже, имелся и третий экземпляр⁴⁵. Не исключено, правда, что поступили они все в библиотеку уже в XIX в. — в каталоге 1800 г. они не упомянуты — и были приобретены как книжная редкость.

Кроме устава о престолонаследии, петровское законодательство о государственном управлении представлено «Духовным регламентом» (8-е изд. СПб., 1779)⁴⁶, уставами — Воинским (6-е изд. СПб., 1786)⁴⁷, с приплетенным к нему «Артикулом воинским...» ([СПб.] 1786)⁴⁸, и Морским (6-е изд. СПб., 1780)⁴⁹, а также «Регламентом... о управлении адмиралтейства и верфи и о должностях Коллегии Адмиралтейской и прочих всех чинов при Адмиралтействе обретающихся» (5-е изд. СПб., 1780)⁵⁰.

Далее вплоть до законов Екатерины II отдельных изданий не имеется, однако это не значит, что их не было. В каталогах упомянуты «Пред-